

А. В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

■ Новая этнография Севера*

АННОТАЦИЯ. Этнография — наука адаптивная. Следуя за общественными, технологическими и методологическими сдвигами, она регулярно обновляется в разных концепциях и школах. Обновляемость стала традицией этнографии. Сегодня новая этнография предполагает интерактивный диалог исследователей и исследуемых, синтез фундаментальных и прикладных изысканий, изучение не столько вчерашних традиций, сколько сегодняшнего этнокультурного потенциала, применение новейших средств визуализации и цифровизации, развитие киберэтнографии. Опытами новой этнографии можно считать проект «Арктика: атлас кочевых технологий», представивший номадографию арктических кочевников чукотской, ямальской и кольской тундр, а также проект «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: этнокультурные проекции», выполняемый МАЭ РАН. Предлагаемое автором видение северности как опорной идентичности России предполагает переосмысление этнической истории и культуры новгородцев, поморов, карелов, коми-зырян, ненцев, хантов, эвенков, якутов и других сообществ Северной Евразии как актуальной и фундаментальной этноисторической тематики. Обратная сторона новой этнографии и современной этничности состоит в сдвиге к консюмеризму в виде развития многообразной этноиндустрии, включая этнотуризм, сувениризацию культуры, фольклорные шоу, расширение круга «этнических дел мастеров». Этнография ныне представляется не только академическим знанием, но и бизнес-ресурсом. Глобальная сеть не только популяризирует этнотуризм, но и обеспечивает его менеджмент. Некоторые оленеводы уже корректируют маршруты кочевий с учетом обслуживания туристов. Появились менеджеры-посредники, организующие этнотуры, формирующие рынок, ценник и ассортимент этноуслуг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
этнография, Север, коренные народы,
кочевники Арктики, этнотуризм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Головнёв А. В.
Новая этнография Севера. *Этнография*. 2021.
1 (11): 6–24. doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24

* Статья подготовлена за счет Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг., проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А.В. Головнёв).

A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

■ New Ethnography of the North

ABSTRACT. Ethnography is an adaptive science. Following social, technological and methodological shifts, it is regularly updated in different concepts and schools. Renewability has become a tradition in ethnography. Today, new ethnography presupposes an interactive dialogue between researcher and researched, a synthesis of fundamental and applied studies, the focus not so much on yesterday's traditions as on today's ethnocultural potential, the use of the latest visualization and digitalization tools, and the development of cyber-ethnography. The project "Arctic: Atlas of nomadic technologies", which presented the nomadography of the Arctic nomads of the Chukchi, Yamal and Kola tundras, as well as the project "Indigenous Minorities of the Russian Federation: Ethnocultural Projections", carried out by the MAE RAS, can be considered as experiences of new ethnography. The author's vision of northernness as a pivotal identity for Russia presupposes a rethinking of the ethnic history and culture of Novgorodians, Pomors, Karelians, Komi-Zyryans, Nenets, Khanty, Evenki, Yakuts and other communities of northern Eurasia as an actual and fundamental ethnohistorical issues. The reverse side of the new ethnography and today ethnicity is the shift towards consumerism in the form of the development of a diverse ethno-industry, including ethno-tourism, souvenirization of the culture, folklore shows, and an expansion of the circle of "ethnic craftsmen". Ethnography is now presented not only as academic knowledge, but also as a business resource. The Global Network both promotes ethno-tourism and provides its management. Some reindeer herders are already adjusting their routes to accommodate tourists. Newly emerged managers-intermediaries function for organizing ethnic tours, forming the market, price tag and range of ethnic services.

KEY WORDS: Ethnography,
North, indigenous peoples, Arctic
nomads, ethno-tourism

FOR CITATION: Golovnev A.
New Ethnography of the North.
Etnografya. 2021. 1 (11): 6–24. (In Russ.).
doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-6-24

История науки внешне выглядит непрерывным течением, но на самом деле полна разрывов и скачков, разделяющих эпохи и поколения. Вехи эти связаны как с политическими и технологическими революциями, так и с появлением новых теорий и методов. В юности мне не раз доводилось слышать, что время этнографии, как и эра этничности, уже позади и на наших глазах их место занимают интернационализм, глобализация и урбанизация. Помню, в 1980-е гг. один из тогдашних лидеров советского североведения с печалью в глазах произносил: «Мы наблюдаем закат полевой этнографии». У меня от горечи перехватывало горло, и я мчался в очередную экспедицию изучать «последние всполохи гбнувших традиций». Однако годы шли, экспедиции продолжались, этнография переживала нелегкие дни, но за очередным ее закатом упрямо наступал рассвет. Сменяли друг друга интеграционные доктрины (коммунизм, миллениаризм, концепции советского народа, «глобальной деревни» и др.), предрекавшие истощение этничности и «окончательное решение национального вопроса». Но идеологии приходили и уходили, а народы оставались; более того, в ходе киберглобализации этничность приобрела новые импульсы в обстоятельствах, которые, казалось, должны были эти импульсы гасить: интернет не размыл этничность, а обновил ее, сплотив, например, рассеянные прежде сообщества, которые обрели новую виртуальную «территориальность» и невиданные ранее сетевые рычаги продвижения своих ценностей и интересов. Можно сказать, что мы наблюдаем закат старой и восход новой этнографии, отличия которой от предшествующих поколений науки состоят в том, что она:

(1) превращается в «интерактивную науку», опирающуюся не на кабинетные штудии и академическую моду, а на «народные» знания и суждения самих представителей этнических сообществ, благодаря чему стирается грань между изучающими и изучаемыми;

(2) не разделяет фундаментальную и прикладную науку, поскольку жизнеспособная теория рождается из жизни (практики) и возвращается в нее;

(3) изучает не столько вчерашние традиции, сколько сегодняшний этнокультурный потенциал, в связи с чем уделяет повышенное внимание этнопроектам (при этом полагая, что сильная новация всегда коренится в прочной традиции);

(4) для описания и изучения народов и этничности применяет, помимо традиционных текстов, новейшие средства визуализации, полноценно передающие живые картины реальности;

(5) воспринимает возникшую на наших глазах виртуальность как часть реальности, вызывающую к жизни соответствующую киберэтнографию, которая требует скорейшей концептуализации и методологической оснастки.

Примером новой этнографии может служить книга «Арктика: атлас кочевых технологий», где кочевья трех тундр (Чукотка, Ямал, Кольский п-ов) изучены и показаны глазами этнографов, дизайнеров и кочевников, причем в ходе исследования изучаемые выступали наставниками изучающих. Основные концепции книги извлечены из практик и мировоззрения оленеводов, а не из академических теорий; в то же время она практична настолько, что может считаться пособием «Как быть кочевником». Используемые в исследовании новые методики номадографии (кочевникоописания) выявили в кочевых технологиях свойства, достойные применения в новейших технологиях мобильности, в том числе в практиках транспортно-индустриального освоения Арктики. Кстати, в последнее время меняется общий взгляд на номадизм: цивилизаторская доктрина перевода кочевников на оседлость замещается чуть ли не модой на кочевничество (неономадизм), и в современном мире высокой (и растущей) мобильности кочевники приобретают статус «классиков движения», а не «рудимента архаики» (Головнёв и др. 2018; Головнёв 2018).

СОИССЛЕДОВАНИЕ (МЕТОДИКА)

Сегодня Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН ведет систематические исследования народов Арктики (из последних публикаций см.: Березницкий 2020; Давыдов, Давыдова 2020), в том числе общероссийский проект «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: этнокультурные проекции» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», реализуемой под эгидой Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Первым шагом проекта было мое выступление на Совете старейшин Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока 23 сентября 2020 г., содержание которого выражено в разосланном чуть позже письме:

«Уважаемые старейшины и лидеры коренных малочисленных народов России!

Мне выпала честь и ответственность руководить академическим проектом “Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции”. На Совете старейшин Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока 23.09.2020 мы согласовали, что это исследование должно опираться на позицию самих коренных народов, выраженную их лидерами. Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой написать небольшой очерк с ответами на вопросы экспертной анкеты. Не ограничивайтесь сухими репликами, сопровождайте свои суждения живыми примерами и обстоятельными размышлениями. Высказывайтесь откровенно и взвешенно — эти очерки войдут в итоговую публикацию

и послужат наставлением вашим последователям и потомкам. Одна из целей готовящейся книги — дать слово самим народам с их самооценкой и выражением самобытности. Жду ваших очерков, дорогие друзья и коллеги, благодарю вас за участие!».

По согласованию с руководителями Ассоциации были составлены две анкеты: (1) экспертная для лидеров КМН; (2) общая для всех представителей КМН. Первая включает семь тем (самосознание, этничность, этнопроекты, этнодизайн и этнотуризм, виртуальная этничность, достижения и проблемы, статус коренного народа); вторая содержит девять вопросов, тематически близких к темам экспертной анкеты. Тем самым общая анкета выявляет основные тренды, а экспертная объясняет их, причем обе содержат в себе мнения коренных народов (роль исследователей ограничивается формулировкой вопросов и систематизацией ответов).

Экспертная анкета для лидеров КМН (не только Севера, но и всей России) была разослана в октябре 2020 г. через социальные сети и электронную почту. В декабре 2020 г. через социальные сети была запущена общая анкета для представителей КМН. На сегодняшний день получено более 30 экспертных эссе (ответов на экспертную анкету) и более 500 заполненных общих анкет. Не приводя общей статистики, назову пятерку народов-лидеров, представители которых превзошли других по числу заполненных анкет: эвенки — 58; ненцы — 54; ханты — 31; нагайбаки — 30; нивхи — 27.

В гендерном измерении женщины оказались вдвое активнее мужчин — 353 к 147, что свидетельствует как об их большей вовлеченности в социальные сети, так и о более выразительной этнической позиции. По возрасту участники опроса распределились на следующие группы: до 18 лет — 8; от 18 до 35 — 118; от 35 до 45 — 111; от 45 до 60 — 187; от 60 и более — 76. Самую многочисленную возрастную группу образовали люди в возрасте «зрелой ответственности» (от 45 до 60 лет); в этом смысле общую выборку можно считать не ситуативной реакцией, а выражением жизненного опыта.

Приведу лишь несколько примеров полученных данных, притом не окончательных, а промежуточных, поскольку исследование продолжается. Ответы на вопрос «Моя национальность для меня?» дали следующее соотношение (при возможности отметить более одной позиции): «предмет гордости» — 89%; «внутреннее чувство» — 42%; «причина неудобств» — 1%. Как видно, сторонников последней позиции, выражающей негативную или скрытую идентичность, ничтожно мало. Понятно, что те, для кого национальность является «причиной неудобств», могли уклониться от анкетирования, но в целом опрос свидетельствует о явном преобладании среди КМН позитивной этнической идентичности.

На вопрос «Что объединяет человека с людьми его национальности?» ответы распределились следующим образом в порядке убывания: традиции (47%); язык (44%); родство (19%); история (16%); религия (11%); самосознание (9%); менталитет (9%); территория (7%); дружба (4%). В этом раскладе примечателен высокий рейтинг «традиций», превосшедших обычно первенствующий «язык», и весьма скромный — «территории», что может быть связано с растущей ролью киберпространства как замещения территориальности. Приведу два фрагмента из эссе экспертов (лидеров), разъясняющие значение традиций, языка, самосознания и истории:

Я застал то время (начало 1960-х годов), когда вследствие государственной политики из школьной программы исчезло изучение нанайского языка, дети и молодежь стали стыдиться своей национальности, исчез разговорный язык из сферы общения. Потом, 15 лет спустя, стали возрождать национальную культуру, но время было упущено. Сегодня дети изучают нанайский язык почти как иностранный, с той разницей, что английский язык будет необходим в дальнейшей жизни, а нанайский нигде не пригодится. Старшее поколение старается поддерживать традиции, но время стремительно уходит... (И. А. Бельды, нанец).

Национальные традиции абазин обладают большой воспитывающей силой и во все времена с их помощью решалась задача формирования у молодого поколения высоких нравственных качеств. В 2013 году я выпустила первое методическое пособие по нравственному воспитанию школьников на абазинском языке «Цвети, цвети, моя Абазашта!» (З. С. Ашибокова, абазинка).

В обзоре этнопроектов выявляется ведущая роль праздников и творческих коллективов. В ответах на вопрос «Какие Вы знаете проекты по сохранению и развитию традиционной культуры вашего народа?» преобладают указания на «праздники и фестивали» (74%) и «творческие коллективы» (62%); третья позиция — за «музейными проектами» (39%). Среди праздников и фестивалей доминируют этнические и региональные праздники: День оленевода (ненцы), Вороний день и День рыбака (ханты), Древо жизни — *Elonruu* (вепсы), Мучун и Хэбденек (Новый год, эвенки и эвены) и др., а также фестивали, конкурсы, выставки, например этнофестиваль «Большой аргиш» (Таймыр), фестивали «Бубен дружбы» и «Аист над Амуром» (Приамурье), фестиваль «Вепсская сказка», Саамские игры, Абазинские игры и др. Творческие коллективы представляют собой по большей части фольклорно-танцевальные ансамбли и носят этнические названия — ульчский «Гива», корякский «Энер», долганский «Арадуой», ительменский «Эльвель», нагайбакский «Чишмелек» и т.д.

Эксперты, как им и положено, зрят в корень и обращают первостепенное внимание на проекты для детей, поскольку именно в детстве формируются основы идентичности. Нивха Е. А. Королёва значительную часть своего комментария адресовала детскому конкурсу «Наследники традиций» и соревнованиям по национальным видам спорта среди детей коренных народов. Эвенкийка К. И. Макарова особое внимание уделила школе «Арктика» в г. Нерюнгри, которая «была открыта с целью сохранения языков и культуры народов Севера».

Современные проекции этничности включают не только традиционные характеристики (язык, традиции, самосознание и др.), но и новые явления, существенно преобразующие формы и ритмы этничности. В их числе этнодизайн, этнотуризм, киберэтничность и другие, рассмотрению которых будут посвящены специальные публикации. Мы планируем продолжить экспертное интервьюирование и анкетирование в «реальном поле» как только возобновятся экспедиционные поездки.

СЕВЕРНОСТЬ (ИДЕНТИЧНОСТЬ)

Север часто ассоциируется с холодами, далями и экзотическими народами. При этом с давних пор северные народы в России и СССР служили примерами (или даже образцами) этнической самобытности. Географические определения «крайний Север», «дальний Север», «ближний Север» служили для измерения удаленности от столицы или, как говорят северяне, от «материка». Однако эта удаленность всегда воспринималась как долгий путь, а не как отчужденность. Север для России никогда не был ни чужим, ни внешним; напротив, несмотря на огромные пространства, он был и остается ее внутренним состоянием и достоянием, и северное измерение для нее — домашнее измерение.

В глобальной проекции вся Россия — ярко выраженный Север, самая большая северная страна Северного полушария. После распада СССР Россия представляет собой крупнейшее северное государство мира с центром на Северном полярном круге в низовьях Енисея. Если вспомнить, что становление Руси в эпоху варяжских походов происходило с севера на юг и преобразование ее в империю связано с северной политикой и северной столицей, то впору говорить об исходной «северности России» (вместо нескончаемых дебатов о цивилизационном выборе между Востоком и Западом). И в Средние века за счет пушнины, и в последние годы за счет нефти и газа Россия черпала богатства на севере, а тратила их на юге. Северность России обусловлена исторически (начиная с ключевой роли ладожско-новгородского Севера в древности), геоэкономически (с учетом ресурсов современного Российского Севера) и геополитически (ввиду пространственного доминирования России в высоких широтах Евразии и «арктическом средиземноморье»). В последние годы

обозначилась глобальная геополитическая ось «Север–Юг», на которой Россия предстает не буфером, как в тупиковой антитезе «Запад–Восток», а основной страной Севера (Головнёв 2004; 2020).

Мировоззренчески северная идентичность России явлена не столь открыто, как в странах Скандинавии, где с понятия «север» (Norden, Nordisk, Norðurlandaráð, Nordic Countries) начинается самоопределение. Связано это с размытостью геопозиции России по всем сторонам света: западное измерение выражено тяготением к Европе, восточное — долговременной зависимостью от кочевников Азии, южное — религиозной связью с Израилем и Византией, северное — опорой на потенциал Российского Севера и населяющих его народов. Если в трех первых измерениях Россия выглядит периферией ярких культур Запада, Востока и Юга, то в северном — самобытной и самодостаточной. Правда, в тени прочих цивилизационных ориентаций эта самобытность часто страдает недоговоренностью и недооткрытостью. Эпизоды северной истории представляются полуполюгендарным приложением, составленным из преданий о чуде и короле Германарихе, призвании варягов и путешествиях по Бьярмии, могуществе Ладоги и богатстве Новгорода, строптивых соловецких монахов и златокипящей Мангазее, стратегической роли Севморпути и неисчерпаемости сибирской нефти. Образ Севера как кладовой архаических традиций и природных ресурсов долгое время был в тени политических исканий России на Западе, Востоке и Юге. Дважды, и оба раза в диалоге со Скандинавией, на заре русской государственности и при Петре I, северная перспектива открывалась особенно явственно, но официальная идеология и в этих случаях не изменяла обычаю, толкуя, соответственно, о киевско-византийском и западноевропейском приоритетах. В третий раз это происходит сейчас, на наших глазах, после отпадения от России южных секторов бывшего СССР и ее концентрации на собственных северных ресурсах в сложной международной обстановке по другим направлениям.

Позиционирование северности как основного измерения России принципиально меняет место и значение культур и народов Севера, которые в этом ракурсе предстают не окраинными, а опорными. Археологические и историко-этнографические исследования выявляют не только огромный фонд материального и нематериального культурного наследия Российского Севера, но и необходимость его актуализации. Эта перспектива предполагает переосмысление этнической истории и культуры новгородцев, поморов, карелов, коми-зырян, ненцев, хантов, эвенков, якутов и других сообществ Северной Евразии как актуальной и фундаментальной для России этноисторической тематики.

Одним из вызовов новой этнографии оказывается понятие «коренной народ», которое в сопоставлении с категорией «пришлый» удобно для стран относительно недавней европейской колонизации (Америка,

Австралия и т. п.), где исторически отчетливо проявлялся «фронтир». Сложнее обособить эту категорию в странах многовекового межэтнического взаимодействия и встречных потоков колонизации и миграции (к их числу относится Россия). Инерционное или формальное использование этого понятия, без оглядки на меняющиеся реалии, несет в себе угрозу «отложенного конфликта» в сфере межэтнических отношений.

Не менее проблематичен установленный для «малочисленного коренного народа» рубеж в 50 тысяч человек. Это ограничение делает двусмысленным положение народов, часть которых (живущая в России) малочисленна, а общая численность выходит за названные рамки: например, саамов в России около 2 тыс., а общая их численность в Фенноскандии и России — около 57 тыс. Сходная картина у эвенков, которых в общей сложности более 60 тыс. (свыше 35 тыс. в России, 30 тыс. в Китае, 3 тыс. в Монголии). Особенно драматична демографическая перспектива ненцев — одного из самых ярких и самобытных народов Севера. Если они сохраняют динамику популяционного роста (29 тыс. в 1979 г., 34 тыс. в 1989 г., 41 тыс. в 2002 г., более 48 тыс. в 2010 г.), то совсем скоро, вероятно, по итогам предстоящей переписи им грозит утрата формального статуса КМНС. Остается надеяться, что именно ненцы своим «демографическим успехом» снесут эту устаревшую формальную планку.

Северу ничуть не повредит осознание того, что с древности он был родиной не только малых, но и крупных народов (инуитов, коми, русских поморов, скандинавов, финнов, якутов и др.). Во времена колониализма и патернализма Север удобно было видеть ресурсной окраиной, населенной мелкими отсталыми народами. Современный мировой Север выглядит иначе, особенно после обретения независимости Исландией (1944 г.), статуса штата — Аляской (1959 г.), создания домашнего правления на Фарерах (1948 г.) и в Гренландии (1979 г.), обретения полномочий субъектов федерации северными республиками, областями и округами России (1990-е), учреждения территории Нунавут в Канаде (1994 г.), формирования саамских парламентов (1980–90-е). Северная мультикультурность исторически основана на сочетании потенциалов малочисленных и многочисленных народов, и укрепление северной идентичности напрямую связано с избавлением от комплекса этнокультурной неполноценности.

Речь идет о людях, предки которых освоили Север много столетий назад, но до сих пор их право называться коренными северянами вызывает вопросы, в том числе относительно земле- и ресурсопользования. Иногда правовые привилегии для этнических меньшинств побуждают большие народы к сегментации. Например, о своей этнической самобытности и «независимости» от других коми-зырян заявляют олениводы-ижемцы, живущие по соседству с «привилегированными» ненцами и стремящиеся уравниваться с ними в правах. Нелепа правовая ограниченность русских старожилов, чьи предки укоренились на Севере несколько десятилетий

или столетий назад. Поморы, сыгравшие выдающуюся роль в русском освоении Севера и Сибири, лишены права на использование базовых ресурсов — моря и леса; разного рода инспекции произвольно штрафуют жителей беломорских деревень за лов рыбы и порубку леса. Выход из критической ситуации местные активисты видят в объявлении поморов «малочисленным народом» — своего рода отречении от принадлежности к «слишком большому» русскому народу. Многих северян из числа «больших народов» относят (и они сами себя считают) в лучшем случае «старожилами», хотя они давно являются если не коренными, то укорененными жителями Севера. Концептуализация российской «северности» предполагает сопоставительное обращение к зарубежному опыту (американскому, скандинавскому), но не его калькирование. Соотношение «туземности» и «пришлости» в России имеет иной этноисторический контекст, чем во фронтирных американских моделях.

Как показывает мировой опыт, эффективное позиционирование северных меньшинств — на Аляске, Ямале, в Гренландии, Лапландии, Нунавуте, Тромсё, Югре — основано на сочетании ценностей северных меньшинств и крупных народов. При этом повсюду, особенно стремительно в России, отмечаются встречные тенденции — укоренения некоренных и расширения деятельностной сферы коренных северян. Именно на основе внутрирегиональных практик диалог культур на Севере сдвинулся в последние годы от разграничения и противопоставления к проектному взаимодействию.

Сегодня уже не принято считать коренные меньшинства консервативными традиционными сообществами и связывать их этничность исключительно с культурой предков. Этноресурс коренных народов состоит не в их «первозданности», а в их по-своему высоких экологических, материальных, социальных и духовных технологиях. Соответственно, в фокусе внимания новой этнографии Севера: (1) этничность в ее устойчивости и изменчивости, исторической динамике и современных проявлениях, социальности и персональности, традициях и новациях; (2) этнокультурное наследие в перспективе его современного осмысления и актуализации.

СЕВЕР ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ (МИФОЛОГИЯ)

Сторонним наблюдателям Север представляется краем льда и холода, границей обитаемого мира. Благодаря суровости и труднодоступности он овеян легендами и мифами, романтикой и героикой, историей испытаний и открытий; кроме того, за ним закрепился статус полигона наук и «стержня экологии», громадной и толком неизведанной «кладовой ресурсов» (ДорЧА 2007: 22–24). С давних пор образ Севера и его обитателей сочетал в себе оттенки варварства, мужества и свободолюбия. В этой ауре сложилось предубеждение, что Север нужно непременно

«покорять» и что это покорение заслуживает славы. Жажда приключений и приобретений влекла на Север мечтателей, искателей и авантюристов не только в исторические, но и в доисторические времена, благодаря чему край земли давно стал приютом для героев и изгоев. Шарль Монтескьё, самый яркий пропагандист Севера в эпоху Просвещения, утверждал, что «малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу» (Монтескьё 1999: 235; см. также: Попков, Тюгашев 2006; Нильсен 2017).

Тем, кто путешествует, Север представляется ареной испытаний и достижений, а тем, кто там родился и живет, — просто домом. В свое время Томас Бергер отметил это различие на примере Канады: «Север, который в последние десятилетия стал для нас фронтиром, многие тысячелетия был родиной дена и инуитов» (Berger 1977: 38). Коренные и пришлые жители Севера различаются стратегиями «жизни» и «выживания»: коренные живут, а пришлые выживают. При этом первые вполне счастливы в своем северном бытии, тогда как вторые «терпят и бедствуют» в предвкушении настоящей жизни (впрочем, в «выживании» нередко преобладает смысл не прозябания, а испытания). Сегодня многое в самооценке северян привнесено южанами, начиная со взгляда на Север как окраину. Случается, и коренной северянин заводит речь о «выживании» — как правило, в беседе с пришлым и в угоду ему.

Если на Севере начинается разговор о Севере, значит, в компанию затесался южанин: Север сам по себе не слишком рефлексивен относительно своей северности. Коренные жители не испытывают нужды в суждениях о Севере, они — северяне по умолчанию. В их представлениях Север как сторона света актуален для ориентации в пространстве, обозначен на небе Полярной звездой, а в быту — расположением вещей на стойбище, направленностью входа жилища и т. д. Как сфера мироздания он предстает в мифологии северных народов то потусторонним миром тьмы и холода, то куполом, накрывающим все пространство человеческой жизни и смерти.

Чукчи различают 22 стороны света, из которых неизменны «полдень» и «полночь». Направление «полдень» или «зенит» — «вершина» или «серединная маковка» — соотносится как с высшей точкой подъема Солнца, так и с Полярной звездой, называемой по-чукотски *Унпэңэр* (Воткнутый кол-звезда), вокруг которой, будто стадо оленей, ходят остальные звезды. В зените, рядом с ледяным жилищем *Унпэңэр*, есть дыра — проход между верхними и нижними мирами (всего их пять, семь или девять), и сквозь эту дыру Полярная звезда видна во всех мирах; заглядывая в дыру сверху, можно увидеть, как живет твое стойбище. Через этот проход можно взобраться в верхний мир по радуге и солнечному лучу, а шаманы пролетают через небесную дыру на орле или громовой птице.

Души героев, погибших в бою или принявших добровольную смерть, попадают в мир «верхнего народа» с дымом погребального костра; оттуда же в средний мир возвращаются души для возрождения в младенцах. В зените находится обитель *Тэнантомгын* (Творца), некогда сотворившего жизнь и Вселенную, а ныне по мере надобности посылающего на землю содержащихся у него «в ящиках» моржей, тюленей, белух, лисиц, соболей, белок, зайцев, диких оленей, волков (Богораз 1939: 21, 23, 40; Вдовин 1976: 228, 230, 234).

Согласно чукотской мифологии, Север там, где Полярная звезда, — над головой, в обители Творца, в мире «верхнего народа». Там средоточие жизни и смерти, связанных лучами рассвета, путями шаманов и ясновидящих. Туда собираются и оттуда возвращаются *увиритти* (души) людей, принявших достойную смерть в бою или по доброй воле (в отличие от похищаемых вредоносными *келе* душ умерших от болезней, уходящих в нижний мир и не имеющих шансов на возрождение). Переход *увиритти* в верхний мир — не смерть, а ее преодоление, поскольку за уходом следует возвращение в новорожденном. Тем самым *Унпэңэр* (Полярная звезда) оказывается гвоздем мироздания и знаком обители Творца, в которой жизнь и смерть преобразуются друг в друга.

Подобных умозаключений сами чукчи не делают, но примерно так — в переводе на язык науки — выглядит картина их мифологии и мироощущения. Север в ней занимает место не края, а верха-купола (вершина, середина, зенит), укрепленного во Вселенной звездой-гвоздем *Унпэңэр*. Располагается он не только и не столько по горизонтали, сколько по вертикали в направлении к обители Творца и «верхнего народа». Взгляд с земли на купол неба и обратный взгляд с Полярной звезды через небесную «дыру» на земную жизнь (как живет твое стойбище) можно считать зеркальной проекцией Севера в чукотской мифологии. Кроме того, в мобильных арктических культурах Север оказывается не статичным измерением, а направлением пути и встречного движения. Тем важнее в этом движении точная и прочная точка навигации — Полярная звезда, которая у всех народов Севера называется «колом/гвоздем неба», «пупом неба», «матерью звезд», «северной звездой» и т. д.

В мифологии ненцев Полярная звезда — *Нэ́рм нумгы* (Севера звезда) — тоже опора небосвода, хотя и не столь явно центрирующая купол неба, как в мифологии чукчей. Ненецкое небо скорее бинарно, чем центрично; оно разделено на северное небо и южное небо, которыми правят боги *Нэ́рм-сей* (Сердце Севера) и *Иба-сей* (Сердце Юга). В отличие от других вечно ездящих и летающих персонажей ненецкого пантеона, *Нэ́рм-сей* будто прикован к ледяному хребту посреди ледовитого моря или северного неба. В сказании «Вадеси Салоку» он семь дней не отзывается на приветствие героя-пришельца (своей статикой бог Севера явно обязан Полярной звезде). *Нэ́рм-сей* предстает то седовласым великаном,

то огромным белым оленем, дыхание которого зимой становится северным сиянием, а летом поднимается над морем в виде дождевых туч. Его рот огромен, и пространство между зубами — будто пропасти с крутыми берегами. Если в зимнее время бог Севера спокоен, то на земле царит холод, если начинает двигаться, то становится теплее. Когда он отряхивает спину, идет снег; когда делает выдох, из его пасти несется морозный ветер (Лехтисало 1998: 22–23). Снежные вихри поднимает взмахами своих железных крыльев и могучая птица *Минлей*, живущая в безлюдной стране *Нэрм-сей*. Бог Севера не покидает своего ледяного хребта, зато его сын бесконечно кочует и лишь изредка навещает отца. Он ездит на упряжках мамонтов или белых медведей, обитает на конце ледяной земли и кочует на ветрах-облаках.

Богу Севера противостоит бог Юга *Иба-сей* (Сердце Юга), живущий на теплой стороне неба, которая состоит из семи небесных земель (*си'ив хэхэ мя*). В этих землях кочуют семь разноцветных громов (Серый, Красный, Пестрый, Грохочущий, Белый, Главный), а в центре южного неба стоит чум самого *Иба-сей*. Со свитой громов он кочует по небу, время от времени пересекая границу северного неба, где властвует *Нэрм-сей*. Между богами Юга и Севера происходят битвы, вызывающие грозы и бури на земле. Бои идут с переменным успехом — то сын бога Севера надвигается на земли Юга, то воинство Юга подступает к ледяному хребту Севера с намерением растопить его. Однако противоборству не суждено завершиться чьей-либо окончательной победой; оно лишь прерывается временным миром, знаменующим женитьбой сына Севера на дочери Юга (сказание «Семь Ярко»). По записям В. И. Васильева у енисейских ненцев, бог Севера желает женить своего сына на дочери бога Юга, но всякий раз сватовство оканчивается разладом, поскольку жених не может переносить жары, а невеста — холода. Тем не менее поездки сватов продолжаются, и грохот железных полозьев их нарт отзывается на земле громом (Vasiljev 1978: 433–434). В середине «небесной трубы» (*нуж пуд*) раскачиваются семь железных колыбелей; северный ветер наклоняет их к стране бога Юга, южный — к стране бога Севера. Бог Севера считается сильнее бога Юга. Даже когда южное воинство разноцветных громов врывается во владения Севера и пускает свои стрелы-молнии, бог Севера просто погружается в воду (как это делают при жаре олени и лоси), и молнии застывают в ледяном море (Лехтисало 1998: 12, 16, 22). *Иба-сей* владеет небесным огнем, который несет в себе немало угроз (ненцы с предубеждением относятся к грому и молнии). Летом приносимое *Иба-сей* тепло может обернуться изнурительной жарой, а зимой — коварным «дождем на снег», образующим губительный для оленей ледяной наст.

Север — священная сторона пространства, и главные ненецкие святилища расположены на арктических островах (Вайгач, Белый) и на северной кромке тундры (*Си'ив Мя*) не только из-за труднодоступности,

но и потому, что в мифологии Север — земля богов (ненцы ревностно следят, чтобы вблизи святилищ не топтались люди, поскольку боги-де любят чистоту и тишину). По убеждению кочевников, Север чище, чем Юг; там меньше комаров и слякоти, больше простора и ветров. Там «оленоводческий рай» (Головнёв 2014: 149), где олени нагуливаются, не болеют и растят здоровое потомство.

В своих сезонных миграциях кочевники в какой-то мере следуют за небесными воинами Севера: в том же ритме наступают к зиме на юг, а к лету отступают на север. Можно представить и обратный ход кочевания синхронно с богами Юга, которые зимой отступают в свое южное небо, а летом вступают во владения Севера. Однако тундровым ненцам все-таки ближе северная идентичность: в тайге они чувствуют себя пришельцами в землях хантов, а относительно «разделения влияния» с русскими отмечают: власть русских идет с юга, а власть ненцев — с севера.

ЭТНОИНДУСТРИЯ (ПРАГМАТИКА)

Насколько мифология, неизменно пленяющая этнографов, актуальна для ныне здравствующих жителей Севера или она отступает все глубже в тень более рациональных мотивов? Еще недавно коренные северяне отличались скрытностью в отношении своих святынь и ритуалов; сегодня реликвии и их реплики, в том числе атрибуты шаманства, выставлены на показ и даже на продажу. В недалеком прошлом многие отказывались фотографироваться из-за опасений, что фото отнимает душу; сейчас на место страха пришла страсть к фото и мода на выгрузку своих «душ» в соцсети.

Сходные сдвиги происходят в этничности и этнографии. Множащиеся этнокультурные проекты выявляют у этничности качества товара и профессии; ширится круг «этнических дел мастеров», занятых в «этноиндустрии». В потоке коммерциализации из священных обрядов рождаются зрелищные аттракционы, из утвари — сувениры, из фольклора — шоу, из обычаев гостеприимства — менеджмент приема посетителей. Этнография, еще недавно чопорно заявлявшая, что наука — не товар, сегодня бодро калькулирует свои планы в пересчете на гранты и рейтинги. Приверженцам старой доброй этнографии этот новый лик науки с «рыночным оскалом» представляется если не апокалипсисом, то грехопадением. Однако можно ли осуждать погружение этничности и этнографии в стихию консюмеризма, если так устроен сегодняшний мир? Или, наоборот, следует со всей серьезностью изучать опыты торговли этничностью, сувениризации культуры, развития этноиндустрии, шансы эмиссии каких-нибудь этнокоинов (почему бы и нет — сегодня вообще трудно понять, что такое деньги)?

Пять лет назад для отработки новой методики «записи движения» (съемок кочевий) мне случилось навестить Ямал, где прошла моя этнографическая молодость. С небольшой командой я прибыл в ямальский райцентр Яр-Сале за неделю до весеннего Дня оленевода, на который обычно съезжается «вся тундра»: кочевники участвуют в гонках на оленьих упряжках и прочих состязаниях, закупают провизию, общаются с поселковой родней. За четверть века, минувшую со времен моих регулярных поездок на Ямал в 1990-е годы, райцентр превратился из старенького ветхого села в новенький комфортный городок, по которому вместо оленьих упряжек снуют такси и снегоходы.

В прежние годы выезд в тундру обычно предварялся долгими приготовлениями. Нынче все произошло стремительно: на снегоходе меня с напарником перебросили через Обскую губу на стойбище, которое на следующее утро собиралось кочевать. По мобильной связи что-то проговорили насчет предложенной нами оплаты за транспорт и прочие нужды. По обычаю мы прихватили в дар тундровикам сколько-то хлеба, сладостей и других угощений. На стойбище мы прибыли поздно вечером и в потемках не сразу разглядели с хозяевами друг друга. С первых фраз речь зашла об оплате, и хозяин привел нам в пример съемочную бригаду ВВС, которая недавно прилетала на вертолете и за круглую сумму заказала нужные для сюжета действия, умело выполненные оленеводами. Согласованная нами с поселковыми посредниками сумма заметно уступала «британскому образцу», но чувство неловкости возникло не из-за цены, а от непривычной отчужденности. Никогда прежде по приезду в тундру мне не приходилось начинать разговор с «цены за услугу». По обычаю гостя вообще не спрашивали, зачем и надолго ли он прибыл, а просто поили чаем и укладывали спать. Бывало, я приезжал в тундру в неподходящей одежде и с ненужными вещами, а уезжал красиво одетый и с богатыми дарами; со временем я научился подбирать ценными дарами и обмен ими воспринимал как этику доверительных отношений (помню обстоятельные наставления кочевников, как и когда следует вручать подарки, а когда они могут вызвать недоумение и даже обиду). В какой-то момент хозяйка прервала напряженные переговоры воспоминанием о моем приезде в их чум двадцать лет назад, когда они рыбачили на тундровом озере, а хозяин пас поодаль оленей (и потому мы с ним тогда разминулись). Тон разговора мгновенно и радикально сменился, о деньгах больше не говорили, вернее, сошлись по умолчанию на нашем исходном предложении. Теперь меня принимали «по старине», угощали и занимали разговорами об общих знакомых, подбирали удобную для кочевья одежду (малица нашлась и для моего напарника). Так мне довелось стать свидетелем и участником столкновения двух эпох и моралей: старой этики взаимного бескорыстия, служившей гарантией добрососедства и безопасности (хозяину и гостю суждено было не раз

меняться ролями, и принимать гостя следовало так, как хотелось быть принятым самому), и новой этики коммерческих услуг, настроенной на прагматичное и отчужденное согласование цен (ничего личного — только бизнес). В ходе общения мои старые знакомые поделились номерами своих сотовых телефонов и предложили в следующий раз обходиться без поселковых посредников. Уезжая из их стойбища, я с чувством утраты размышлял о том, что в будущем мне, возможно, придется заказывать гостевое место в чуме уже через *Booking.com*. Ярсалинская тундра в тот День оленевода была переполнена не только оленеводческими, но и съемочными бригадами. Случалось даже нечто вроде трафика: этнотуристы из разных стран нарасхват делили места в кочевых бригадах, и на стойбищах иногда сталкивались разные съемочные группы, устраивавшие состязания дронов в небе над Ямалом.

Современные информационные технологии существенно влияют на развитие этноиндустрии, в том числе этнотуризма. Глобальная сеть не только популяризирует этнотуризм, но и обеспечивает его менеджмент. Некоторые оленеводы в ненецких тундрах уже корректируют маршруты кочевий с учетом обслуживания туристов. Почти в каждом чуме сложилась своя история визитов ученых, журналистов и съемочных бригад из разных стран; обычными стали обсуждения, кто в каком фильме снимался; появились менеджеры-посредники, организующие этнотуры, формирующие рынок, ценник и ассортимент этноуслуг. По последним известиям из Сети, на Дне оленевода в марте 2021 г. близ Салехарда уже стояли вип-чумы, вход в которые возможен только по приглашению и под надзором охранников. Впрочем, далеко не все северяне рады вторжению этноиндустрии в их дома и закрытый прежде сакральный мир.

В практиках этноэкспертизы (например, на Таймыре) мы сталкиваемся с новым веянием — исходящей от лидеров коренных народов установкой на максимальную открытость проводимых исследований, включая онлайн-трансляции бесед и интервью. Подобная транспарентность по-своему полезна и увлекательна: исследования ведутся под контролем руководителей региональной Ассоциации коренных народов, ход и результаты проекта становятся достоянием общественности «в реальном времени», благодаря чему складывается своего рода «публичная этнография», а отдельные эпизоды исследований претендуют на пиар и хайп. При этом заметны издержки, выражающиеся в отмене анонимности в пользу openness, когда на место задушевных бесед приходят публичные стримы. Между тем, согласно этике полевой этнографии, исследователь далеко не всегда имеет право публиковать открытые ему сведения и мнения. Порой то, что нам доверяют люди, имеет приватный характер и вполне сопоставимо с врачебной тайной или с тайной исповеди. Обсуждаемое с глаза на глаз не равно произносимому со сцены или транслируемому в социальные сети. Тем более пикантна ситуация с высказываем своего мнения

относительно действий влиятельных лиц и других острых проблем современности. Не случайно многие опросы, как и голосования, проводятся анонимно — иначе люди вынужденно выражают не реальный, а конъюнктурный взгляд.

Сдвиг к прагматизму и консюмеризму — обратная сторона новой этнографии. На Севере, где всегда ценились «человеческие отношения», а не коммерческие расчеты, этот сдвиг особенно заметен и болезнен. Впрочем, рыночное «вскрытие» культур не приобрело пока массового характера и, вероятно, вызовет у северян компенсаторную защитную реакцию. И все же происходящие перемены вызывают не только сожаления об утратах, но и проектные инициативы, расширяющие диапазон этничности и открывающие новые возможности активации этнокультурного потенциала. Это же относится к науке этнографии, которая оказалась не только академическим знанием, но и бизнес-ресурсом.

Этнография/антропология включенности (DeWalt, DeWalt 2010) и вовлеченности (Low, Merry 2010; Kirsch 2018) давно вошла в исследовательскую повестку и практику. Российская этнография и рождалась как почвенная наука, или, с позволения сказать, коренная наука о коренных народах. В XVIII в. она служила практическому делу самопознания империи; век спустя обновилась под воздействием пришедшей с Запада универсальной (эволюционистской) антропологии; позднее пережила перерождение в релятивизме, антропогеографии, функционализме и марксизме; на исходе XX столетия испытала взлет в насыщенных текстах и интерпретациях постмодерна и т.д. Происходящие с ней и с этничностью перемены не дают этнографии стареть и вынуждают всякий раз проявлять гибкость и адаптивность к новым вызовам, установкам, технологиям. Обновляемость — традиция этнографии. Нынешнюю «новую этнографию» вряд ли можно вознести на пьедестал идеала науки — утрат и проблем в ней не меньше, чем находок и достижений, и, судя по скорости происходящих изменений, ей не избежать новых перевоплощений, прежде всего ввиду неясности перспектив колоссального потенциала этничности. В этом отношении этнография, раньше считавшаяся наукой прошлого, все отчетливее становится наукой будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Березницкий С. В.* Реципрокные связи в промысловых технологиях коренных народов Амура-Сахалинского региона // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 127–135.
- Богораз-Тан В. Г.* Чукчи. Ч. 2. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 196 с.
- Вдовин И. С.* Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа

и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 217–253.

Головнёв А. В. Арктика: конспект 40-летних исследований // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 161–172.

Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.

Головнёв А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 476–485.

Головнёв А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 143–153.

Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.

Давыдов В. Н., Давыдова Е. А. Иульгинская трасса: проект развития инфраструктуры в жизни чукотских национальных сел // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 89–102.

ДОРЧА (Доклад о развитии человека в Арктике). Екатеринбург; Салехард: Этнографическое бюро, 2007. 243 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) / Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: изд-во ТГУ, 1998. 136 с.

Монтескьё Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

Нильсен Й. П. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М.: Весь мир, 2017. 708 с.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард; Новосибирск: Сибирское научное изд., 2006. 376 с.

Berger T. Northern Frontier, Northern Homeland. The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry. Vol. 1. Ottawa: Supply & Services Canada, 1977. 272 p.

DeWalt K., DeWalt B. Participant Observation: A Guide for Fieldworkers. 2nd ed. Walnut Creek CA: AltaMira Press, 2010. 266 p.

Kirsch S. Engaged Anthropology: Politics beyond the Text. San Francisco: Univ. of California Press. 2018, 328 p.

Low S. M., Merry S. E. Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas // Current Anthropology. 2010. Vol. 51, no. 52. P. S203–S226.

Vasiljev V. I. Animistic Notions of the Enets and the Enisei Nenets // Shamanism in Siberia / Ed. by V. Dioszegi and M. Hoppal. Budapest: Akademiai Kiado, 1978. P. 429–434.

REFERENCES

Bereznitskii S. V. [Reciprocal links in the fishing technologies of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2020, no. 1 (7), pp. 127–135. (In Russian).

Berger T. *Northern Frontier, Northern Homeland. The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry*. Vol. 1. Ottawa: Supply & Services Canada, 1977. (In English).

Bogoraz-Tan V. G. *Chukchi* [Chukchi]. Part. 2. Religiiia [Religion]. Leningrad: Glavsevmorput' Publ., 1939. (In Russian).

Davydov V. N., Davydova E. A. [Iultinskaya highway: a project for the development of infrastructure in the life of Chukotka national villages]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* [Siberian Historical Research], 2020, no. 3, pp. 89–102. (In Russian).

DeWalt K., DeWalt B. *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers*. 2nd ed. Walnut Creek CA: AltaMira Press, 2010. (In English).

Golovnev A. V. [Northern perspective in the history of Russia]. *Sotsial'nye transformatsii v rossiiskoi istorii* [Social transformations in Russian history]. Ekaterinburg–Moscow: Akademkniga Publ., 2004, pp. 476–485. (In Russian).

Golovnev A. V. [Arctic nomads: the art of movement]. *Etnografiia* [Etnografia], 2018, no. 2, pp. 6–45. (In Russian).

Golovnev A. V. [Ethnological expertise in scenarios of resource development of Yamal]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 2 (43), pp. 143–153. (In Russian).

Golovnev A. V. [The Arctic: A Synopsis of 40 Years of Research]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2020, no. 3 (9), pp. 161–172. (In Russian).

Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologii* [Arctic: an atlas of nomadic technologies]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2018. (In Russian).

Kirsch S. *Engaged Anthropology: Politics beyond the Text*. San Francisco: Univ. of California Press, 2018. (In English).

Lekhtisalo T. *Mifologiiia iurako-samoedov (nentsev)* [Yurako-Samoyed mythology (Nenets)]. Tomsk: TGU Publ., 1998. (In Russian).

Low S. M., Merry S. E. Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas. *Current Anthropology*, 2010, vol. 51, no. 52, pp. 203–226. (In English).

Montesk'e Sh. L. *O dukhe zakonov* [On the spirit of laws]. Moscow: Mysl' Publ., 1999. (In Russian).

Nil'sen I. P. *Sblizhenie: Rossiia i Norvegiia v 1814–1917 godakh* [Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917]. Moscow: Ves' mir Publ., 2017. (In Russian).

Popkov Iu. V., Tiugashev E. A. *Filosofiiia Severa: korennye malochislennye narody Severa v stsenariiakh miroustroistva* [Philosophy of the North: indigenous peoples of the North in the scenarios of the world order]. Salekhard, Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2006. (In Russian).

Vasiljev V. I. Animistic Notions of the Enets and the Enisei Nenets. *Shamanism in Siberia*. Ed. by V. Dioszegi and M. Hoppal. Budapest: Akademiai Kiado, 1978, pp. 429–434. (In English).

Vdovin I. S. [Nature and man in the religious beliefs of the Chukchi]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiax narodov Sibiri i Severa (vtoraia polovina 19 — nachalo 20 v.)* [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th — early 20th century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 217–253. (In Russian).

Submitted: 29.01.2021

Accepted: 11.02.2021

Article published: 01.04.2021